

УДК 821. 161. 09

Е.А. Макарова

**ПРОБЛЕМА РУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В РЕЦЕПЦИИ
Н.С. ЛЕСКОВА[□]**

В статье рассматривается осмысление проблемы русских переселений в Сибирь Н.С. Лесковым. Обращение к этому вопросу начинается с раннего периода творчества писателя, в его публицистике. Взгляд на проблему получает развитие в позднем рассказе-очерке «Продукт природы».

Переселенческий вопрос был одним из центральных в русской общественной и литературной мысли второй половины XIX в. Не обошел его вниманием и Н.С. Лесков, который сразу заявил о себе как писатель с очевидными демократическими установками, национальными и религиозными пристрастиями.

Лесков приходит в русскую литературу в начале 1860-х гг. и начинает сотрудничать с различными периодическими изданиями, печатая статьи на злобу дня: «О рабочем классе» (журнал «Современная медицина»), «Несколько слов об ищущих коммерческих мест в России» (газета «Указатель экономический»), «О наемной зависимости» (газета «Русская речь») и др.

Одними из первых в этом ряду стали и статьи по переселенческому вопросу: «О переселенных крестьянах» (журнал «Век», 1861 г., № 14–19, за подписью «Николай Понукалов»), «О русском расселении и о Политико-экономическом комитете» (опубликовано в журнале М. и Ф. Достоевских «Время» в декабре 1861 г. с подписью «Н. Лесков»).

Как видим, статьи создавались уже по следам свершившейся крестьянской реформы. Вскоре после опубликования Манифеста 19 февраля 1861 г. были обнародованы «Положения», которыми предусматривались конкретные меры по переходу разных категорий крестьян в свободное состояние, т. е. формы их «развязки с помещиками». Лесков, безусловно, верит в избавленного от крепостной зависимости мужика. Смысла реформы он не отрицает, но сразу переходит в своих рассуждениях на уровень конкретного человека.

Так, например, в статье «О переселенных крестьянах» писатель рассуждает не о крестьянине вообще, но о мужике совершенно реальном, которого «помещик Кондратьев» переселил из губернии в губернию, а вернуться домой ему нельзя даже после освобождения. Причем происходит это не по вине «плохого» помещика, а потому, что мир не принимает мужика на старое место: земля разобрана, время не повернуть вспять. В итоге крестьянину-переселенцу уже нет места на родной земле.

Непосредственным поводом для написания статьи явилось положение «О порядке надела землею крестьян, записанных по ревизии в имении одного помещика и водворенных в имение другого», высочайше утвержденное 17 июля 1861 г. Лесков сразу улавливает некое противоречие в законе, в со-

[□] Издание осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-04-64-401 а/Т.

ответствии с которым «крестьяне *разных помещиков*, переселенные из одного имения в другое, имеют больше прав, чем такие же крестьяне *одного и того же помещика*». «На чем тогда основано различие?» – резонно вопрошает он и сам делает вывод: «Вопрос остается нерешенным, потому что несправедливое разрешение вопроса не уничтожается» [1. С. 54–55].

В основу статьи «*О русском расселении и Политико-экономическом комитете*» положено выступление писателя на заседании комитета 1 апреля 1861 г. Детализируя здесь свои доводы в пользу коммерческого способа переселения, автор дает красочные зарисовки передвижения крестьян на новые земли, в котором он сам принимал участие, будучи на службе у своего дальнего родственника А.Я. Шкота. В 1857 г. он «сводил» мужиков Орловской и Курской губерний в степи Завольжья и Жигули. Один из таких эпизодов позднее ляжет в основу его рассказа-очерка «Продукт природы».

Подчеркивая критическую ценность публикуемого материала, редакция «Времени» снабдила его следующим примечанием: «С удовольствием помещаем статью эту. Вопрос о колонизации в России так важен, что чем больше будут писать нам люди бывалые и знающие предмет, тем лучше» [1. С. 324]. В статье Лесков продолжает разрабатывать вопрос о переселенцах и, в частности, выдвигает мысль о необходимости посылки «ходовков» на места предполагаемого расселения крестьян, которая не нашла в комитете одобрения, посчитавшем, что есть более современные и оперативные средства организации переселения, например хорошие книжные описания.

Но Лесков доказывает, что это и становится первым затруднением, с которым, как правило, сталкивается крестьянин: недостаток сведений о местах, удобных для заселений. Поэтому возникает потребность в ходаках, «взгляды и вкусы которых в той самой мере сходны с понятиями переселенцев, с какой тождественны их общие интересы». И на аргумент членов комитета он выдвигает свой контраргумент: «Когда у нас появятся ясные, полные, верные и удобопонятные для народа описания открытых для заселения мест, тогда, может быть, народ не станет посылать своих ходоков» [1. С. 60].

Этот образ «ходака» представляет для писателя не отдельное социальное явление, но некий национальный тип. Затем он отразится и в его «очарованном страннике», и во «вдохновенном бродяге», которые будут искать истину на больших дорогах, измерять ее не теоретически, а топографически, определять степень доверия не казенной бумагой, а близостью общих крестьянских проблем и бед.

В итоге идея Лескова окажется не только продуктивной, но и крайне перспективной. Особенно активное развитие «ходачества» придется уже на 80–90-е гг. XIX в., когда после открытия Сибирской железной дороги и налаживания продвижения по воде в путь тронутся беднейшие крестьяне. Но, несмотря на расширение коммуникативного пространства и кругозора сельских жителей, Сибирь продолжала ассоциироваться для многих с «каторжным краем», малоизвестным населению европейской части страны.

По официальным историческим данным уточняется, что примерно половина переселившихся высылала вначале своих представителей для предварительного осмотра места поселения. «Ходоков» собирали в дорогу и снабжали всем необходимым сельские общества или отдельные семьи. Осмотрев

участки в Сибири, они приискивали удобное место, оставались там не постоянное проживание, заводили хозяйство, а затем отправлялись за семьей и земляками. Более того, по циркуляру 1897 г. «ходоки» должны были получать «свидетельства» за подписью своих земских чиновников. Им предоставлялась возможность проезда в оба конца по железной дороге по пониженным тарифам [2. С. 53].

Но все это будет позже. В начале 1860-х гг. наблюдается выявление писателем круга острых и вместе с тем вечных проблем, которые получают разработку в его дальнейшем творчестве. Прежде всего, это проблема «русской розни», которая так важна Лескову для разгадки судеб народа и отечества. Уже в ранней публицистике он обратит внимание на эту «расколотость» русского общества, выразит свое сочувствие всем «вытолкнутым», скитающимся, вырванным из родного корня. В результате в своей статье он поставит вопрос не только о «ходаках», о возможности дать ход коммерческим способам переселения, но и о необходимости немедленного допущения нового способа переселения, внося свой значительный вклад в дело разработки проблемы переселенцев.

Напомним, что вопрос о крестьянах-переселенцах в основе своей был решен в последней четверти XIX в. на основании Закона от 13 июля 1889 г., и он звучал так: «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке перечисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время». По закону государственные земли в европейской части России предоставлялись переселенцам сначала в аренду на 12 лет, а затем в бессрочное пользование. В Тобольской, Томской, Семипалатинской областях крестьяне получали землю сразу в постоянное бессрочное пользование.

Тем не менее проект переселения малоземельных крестьян за Урал разрабатывался правительством еще в начале XIX в. Указ 1822 г. «О дозволении крестьянам перебираться на земли сибирских губерний» разрешал переселяться сюда малоземельным крестьянам из Европейской России без правительства содействия.

Сохранились свидетельства о «вселении» крестьян Витебской губернии в Тобольскую с 1824 г. До Сибири добирались целый год, пользуясь картами; пришедших пешком крестьян называли «самоходами». 8 апреля 1843 г., в рамках реформы управления, был принят указ, регламентировавший переселение государственных крестьян европейских губерний за Урал [3. С. 7]. В целом сущность дореформенной переселенческой политики отражает заявление статс-секретаря А.Н. Куломзина: «...до крестьянской реформы 1861 г. переселенческого движения, как явления народной жизни, у нас не существовало». Первые же признаки постепенно нарастающего массового миграционного движения из центральных губерний России на окраины появились только вскоре после отмены крепостного права, свидетельствуя об усложнении социально-экономической обстановки в центре страны.

Если до реформы в Сибирь направлялись преимущественно государственные крестьяне, то после отмены крепостного права в потоке аграрных мигрантов оказалось и немало прежних частновладельческих крестьян. Среди причин, побудивших крестьян уходить с обжитых мест и отправляться на

поиски новых плодородных земель, были тяжелые последствия неурожаев 1867–1868 гг. Непосредственным же толчком к массовым миграциям послужило обнародование в губернской печати циркуляра от 13 апреля 1868 г. «О порядке переселения крестьян на свободные казенные земли». Хотя данным распоряжением не предусматривалось массовое переселение, крестьяне восприняли этот документ как «вызов правительства на переселение» [3. С. 8].

Ставя в своих статьях вопрос о колонизации окраин Российской империи, говоря о необходимости «ходовков», которые могли бы заранее знакомиться с местами переселения, Лесков имеет в виду некое пространство, которое географически у него пока еще не обозначено, тем более что и переселения совершались в самые разные области России, в том числе и в Сибирь, к которой постепенно и обращается взгляд писателя.

Тема Сибири уже давно звучит в русской литературе и культуре. Но проблема переселенцев, как видим, в основном разрабатывается со второй половины XIX в. Достаточно вспомнить исследования С.В. Максимова, на которые постоянно ссылается Лесков, И.А. Гурвича, А.А. Кауфмана, Н.М. Ядринцева и др. [4]. Сибирь, как правило, ассоциировалась в сознании европейца с местом ссылки и каторги; родиной не испорченных европейской цивилизацией народов; малоизвестной и ментально не освоенной русским крестьянином территорией, особенно притягательной в связи со слухами об обилии земель и наличии государственной помощи желающим на ней поселиться; провинцией с активно формирующимся национальным самосознанием.

Сам же Лесков непосредственно к этой проблеме обратился в 1872 г. в связи с *рецензией на книгу С. Турбина «Страна изгнания»*, напечатанной в № 119 от 9 мая в газете «Русский мир» за подписью «Н. Лесков». С писателем и статистиком, полковником Генерального штаба С. Турбиным Лесков был знаком лично и даже собирался писать с ним совместно книгу. Ко времени выхода лесковской рецензии Турбин уже был известен своим исследованием под названием «Сибирь. Краткое землеописание» (СПб., 1871). В нем он дает достаточно редкие сведения о переселенцах, указывая на то, что их добровольный прилив из России в Сибирь последовал еще в XVI в., после прикрепления крестьян царем Борисом Годуновым. Смуты и неурядицы, которыми сопровождались времена самозванцев и семибоярщины, также загнали в Сибирь много народа. Против добровольных переселенцев-самоходов были приняты самые строгие меры, но они не повлияли на общую направленность. Давая подробный обзор географическому, экономическому и социальному состоянию Сибири на период середины XIX в., Турбин делает пророческий вывод: «Вообще можно сказать, что Сибири предстоит богатая будущность. Малолюдые настоящего времени есть недостаток легко и скоро поправимый: новой земли не прибавится, а новых людей прибудет» [5. С. 142].

Свою следующую книгу, «Страна изгнания», С. Турбин публиковал сначала в виде очерков в «Санкт-Петербургских ведомостях» в 1863–1864 гг., затем в «Сибирских ведомостях», и только потом, в 1872 г., она выходит отдельной книгой, на которую Лесков и дает рецензию. На титульном листе

издания значится: С. Турбин и Старожил. «Страна изгнания и исчезнувшие люди. Сибирские очерки». Лесков в своей рецензии касался лишь очерков Турбина, имеющих подзаголовки «От Осы до Иркутска». Упоминаемые в рецензии встречи с бродягой и переселенцами приводятся в очерке «От Тюмени до Томска».

В своей публикации Лесков не стремится к постановке каких-либо глобальных проблем, что вообще не свойственно его методу. Но, сказав в начале несколько слов об авторе книги, он останавливается на отдельных ее фрагментах – «картинках с натуры», крайне его заинтересовавших: это описания встречи с каторжным бродягой, со ссыльным поляком и с добровольными переселенцами. Его интересуют, прежде всего, выведенные в очерках Турбина типажи, отличающиеся своим неповторимым обликом, своей судьбой, особой национальной психологией изгойничества и бродяжничества. В современных условиях они, в представлении Лескова, являют собой новый социально-экономический вариант паломничества в Сибирь.

Общий же вывод Лескова неутешителен: под властью обстоятельств, в заботе о хлебе насущном эти поиски, кружения, тоска по родине постепенно притупляются, «и переселенец становится старожилом, а потом и туземцем, которого новые пришельцы, в свою очередь, станут дразнить *чалдоном*, а он их считать *необразованными мужиками*». Вместе с тем, неся веру в «средне-свободного труженика», умеренного работника, сознающего закон и долг, писатель даст еще одно точное определение переселенцам, назвав их «*пионерами русской цивилизации в Сибири*» [1. С. 202].

Касается Лесков и другой стороны рассматриваемого явления, связанной с насильственным переселением крестьян, но теперь уже в связи с религиозными разногласиями. Показательна, например, его статья «*Несколько слов по поводу записки высокопреосвященного митрополита Арсения о духоборских и других сектах*», которая была опубликована в газете «Гражданин» в апреле 1875 г. Как замечает Л. Аннинский, «статья Лескова – блистательный пример чисто гражданской публицистики, иронически выдержанной в жанре богословского прения: защита вероисповедания, яростный протест против своеволия и нетерпимости властей, скорбь о насильственно переселяемых людях» [1. С. 339].

Рассуждения писателя во многом смыкаются с проблемами, которые разрабатывает в своих исследованиях (находящихся в круге активного чтения Лескова) С.В. Максимов. В книгах этого известного писателя и этнографа, таких как «Год на Севере», «Сибирь и каторга», «Бродячая Русь Христради», в многочисленных очерках быта различных местностей России показано, что начала самоуправления, дошедшие от времен вечевой вольности, позволяли народу без вмешательства разного рода пастырей устраивать свою жизнь. Напротив, всякое вмешательство в этот уклад было чревато вырождением, приводило к росту преступности и утрате смысла национального бытия.

По мысли Максимова, в системе духовных ценностей человека всегда на первом месте была воля. И не стремление ли к ней, рассуждает писатель, порождало массовый исход на окраины государства, где жилось тяжело, но без казенной опеки? Внутренняя свобода и духовная раскрепощенность по-

зволили русскому человеку преодолеть жесткие рамки религиозных догматов и явить миру – пусть в форме бесконечных заблуждений – безоглядный размах религиозного творчества.

Крайне интересными представляются и рассуждения Лескова о месте, которое можно приготовить для ссыльных сектантов: «Место это должно быть очень пространно, потому что у нас сектантов много, а при усилении гонения на них число их, конечно, еще более увеличится, ибо народ наш и на сей раз не изменит своего убеждения, что “не та истинная вера, которая мучит, а та, которую мучат”...». Где же оно? В середине государства такого места не выберешь: здесь и так все уже заселено, да и надзирать за общением сектантов с несектантами неудобно: пришлось бы закрыть проезжие дороги и оцепить границу ссыльного места кордоном. «Надо поискать просторное место для сектантов по окраинам», – пишет Лесков [1. С. 209]. Развивая свою мысль, он выходит на проблему культурного пространства, где опять мерцает своими заснеженными горизонтами Сибирь. И это не случайно: ведь «идея места», учет «географического фактора» (по терминологии Д.С. Лихачева) проявляется, прежде всего, через региональную специфику и существует в «связанном виде», подчиняясь политическим, культурным, языковым и другим моментам.

Как видим, идея Сибири, развивающаяся в творческом сознании писателя, все более воплощается в некую образную систему. Прекрасный знаток русских крестьянских и религиозно-сектантских движений, Лесков внимательно присматривается к топографии их перемещений. Поэтому все чаще Сибирь становится для него своеобразным знаком, символом-сигналом «земли обетованной», куда бредут все гонимые и страждущие в поисках «потерянного рая». Примечательно, что в этом же 1875 г. будет создан один из самых ярких и принципиальных для выявления специфики мировоззрения Лескова рассказ – «На краю света». Сама эта «формула», вынесенная в заглавие произведения, герои которого оказываются на «краю света» (курсив и подчеркивание наши. – Е.М.), точно выразит проблему амбивалентности сибирского хронотопа, тщательно разрабатываемого литературой и культурой последней трети XIX в.

Действительно, с конца 1880-х – начала 1890-х гг. сибирский регион начинает рассматриваться как многоземельная, активно осваиваемая территория, которая, при условии проведения в ней либерально-реформаторских преобразований, строительства железной дороги, рациональной организации переселенческого движения, развития образования способна превратиться из «страны изгнания» и «царства чиновничьего произвола» в процветающий край. И Лесков, ни разу в Сибири не бывавший, улавливает и предчувствует эти возможности на уровне своей неповторимой писательской интуиции.

Новым витком в осмыслении переселенческого вопроса в творчестве писателя станет рассказ-очерк 1893 г. «*Продукт природы*». В позднем творчестве Лесков не раз обращался к фактам катастрофического состояния русского крестьянства. В повести «Юдоль» (1892) он показал страшные картины голода на орловщине. В основу рассказа «Импровизаторы» легли впечатления от холерной эпидемии, распространившейся летом 1892 г. Здесь создан потрясающий по своей ужасающей правде образ «порционного мужи-

ка». В рассказе «Загон» (1893) Лесков создает символический образ загона, в котором находится русский мужик. Не случайно произведение это получило одобрение со стороны Л.Н. Толстого, который отметил как главное достоинство опору писателя на правду, а не на вымысел.

Подобный метод становится определяющим именно в позднем творчестве писателя. Для него характерна сопряженность реальности и вымысла, документального и художественного начал. Как бы стирая грань между творчеством и жизнью, Лесков помещает себя, реального писателя, в пространство своих текстов, вновь обращаясь к отработанным моделям и удостоверяя их актуальность.

Рассказ «Продукт природы» был вызван вниманием прессы к бедственному положению крестьян-переселенцев. Ближайшим поводом для его написания стало заседание Петербургского общества для вспомоществования переселенцам 14 марта 1893 г. Сборник «В путь-дорогу», где впервые был напечатан рассказ, носил не только научно-художественный характер, но, прежде всего, был создан в поддержку нуждающимся переселенцам. Вскоре, в августе 1893 г., на него появилась рецензия в журнале «Русская мысль».

Автор «Библиографического отдела» после перечисления ряда статей Н.М. Ядринцева, Я.А. Абрамова, А.А. Кауфмана отдельно выделяет рассказ Лескова. Он подчеркивает, что автор вспоминает о виденных им переселениях совсем особого рода, при крепостном праве, когда богатые помещики приобретали дешевые и пустынные земли в Заволжье, а в густонаселенных губерниях, Курской и Орловской, накупали у мелкопоместных дворян крестьян «на свод» и переселяли этот «продукт природы» в свои далекие поместья.

Опубликование рассказа в специальном сборнике, посвященном крестьянам-переселенцам, было свидетельством того, что писатель осуждал не только прошлое, но и современное неустройство переселенческих дел. Критика же, как и во многих других случаях, ограничилась лишь подтверждением правдивости рассказа и самым общим суждением о силе его эмоционального воздействия на читателя: «Г. Лесков описывает очень просто лишь то, чему свидетелем был тридцать пять лет назад, и от этого простого повествования жутко становится, страшно за переселяемых и стыдно за переселяющих» [6. С. 354].

Принципиальным в повествовании становится сопряжение двух временных пластов. И.В. Столярова точно замечает, что «обобщение в рассказе Лескова носит не столько конкретный, сколько общенациональный характер и захватывает не только дореформенную эпоху русской жизни, к которой восходит описываемый эпизод, но и новую эпоху, в условиях которой был написан рассказ» [7. С. 91]. Очевидно, что писатель не стал бы на склоне лет упорно возвращаться к событиям полувековой давности, если бы видел какие-то сущностные изменения в жизни народа и в уровне его самосознания. Он показывает, что с тех пор изменилось очень многое, но не все изменилось к лучшему для отправляющихся на «новые места». А что при этом приходилось выносить русскому крестьянину, «продукту природы», он и показывает с потрясающей точностью. И как всегда у писателя в изображении народного характера всего наполовину: темноты, забитости, но и простодушной

наивности русского человека; стихийности поведения толпы, но и детской веры в добро; отчаянного бунта, но и обнаружения непреребродивших молодых сил.

Автор же рецензии, подводя итог своим размышлениям, апеллирует к сознанию просвещенного читателя: «Теперь переселенца гонит не чужой произвол, а собственная нужда, и потому нравственно ему легче, конечно, физически же, наверное, тяжелее, хотя, кажется, трудно себе представить более ужасное положение людей, чем то, какое описано г. Лесковым. В том же, что рассказана им только правда, сомневаться нельзя» [6. С. 354].

Эта «правда» вела к тому, что рассказ Лескова часто называли *очерком*, что представляется принципиальным. На протяжении всего творческого пути писатель тяготел к малым литературным формам и промежуточным жанрам: рассказу, очерку, статье. Жанровые признаки очерка наличествуют во многих произведениях Лескова. Как и у любого очеркиста, фактический материал у него не только художественно обрабатывается, но и публицистически осмысливается. Тем не менее эта пограничная составляющая художественного и публицистического письма особенно разовьется в позднем творчестве писателя. Сплав образа и публицистики становится теперь не только принципиальным, но и более органичным, так как все творчество Лескова пронизано «злобами дня», хотя при этом есть и специальный интерес к смешанным жанрам: «заметкам по поводу», «письмам», «былям», «отрывкам», «случаям», «апокрифам». Напряженный поиск адекватного жанра обнаруживается уже на уровне подзаголовков, где не только очевидна игра жанрами, но и напластование времен. Рассказы «Зимний день» и «Полунощники» определены как «пейзаж и жанр», повесть «Юдоль» – «рапсодия» и «историческое воспоминание». «Импровизаторы» получают жанровое уточнение – «картинки с натуры», «Домашняя челядь» – «историческая справка по современному вопросу». Рассказ «Загон» отнесен к «рассказам кстати», «Некрещеный поп» – к «невероятному событию», «Владычный суд» – «из недавних воспоминаний» и т.п.

Как видим, в позднем творчестве Лескова проявляется явное тяготение к определенному полижанризму, но при этом наиболее продуктивным жанром оказывается очерк. Как известно, очерк отличается от рассказа и повести отсутствием единого, острого, быстро разрешающегося конфликта и большей развитостью описательного изображения. В его рамках писатель, как правило, соединяет самые разнообразные формы публицистики, создавая оригинальный жанровый сплав, не всегда поддающийся точному определению. И все более принципиальным для него становится «бесфабульный» жанр с так называемой обзорной композицией, где затрагиваются не столько проблемы становления характера в его конфликтах с устоявшейся общественной средой, сколько проблемы гражданского и нравственного состояния «среды», что мы и проследили в рассказе «Продукт природы».

Таким образом, можно утверждать, что очерковая литература становится ближе позднему Лескову своим более разнообразным и познавательным полем. Но при всем тяготении к публицистике, дававшей возможность непосредственного проявления его полемическому таланту, в главных своих произведениях он выступает как писатель, открывший новые возможности соб-

ственно художественного исследования народной жизни. В частности, в рассказе «Продукт природы», обращенном к более чем злободневной проблеме русских переселенцев, мы видим эту тонкую грань. Очевидно, что Лесков не просто фиксирует ужасающие факты действительности, но идет к художественному обобщению, характеризуя сущность русского народного типа. Неизбежно встающая перед писателем проблема характера и обстоятельств получает в итоге глубокое художественное решение.

Литература

1. Лесков Н.С. Честное слово. М., 1988.
2. Липинская В.А. Старожилы и переселенцы: Русские на Алтае: XVIII – начала XIX в. М., 1996.
3. Захарова Н.В. Крестьянские переселения в Сибирь в 1-й пол. XIX в. // Актуальные вопросы истории Сибири: 5-е научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина, 6–7 октября 2005 г. Барнаул, 2005.
4. Максимов С.В. На Востоке. Поездка на Амур. СПб., 1864; *Он же*. Год на Севере. СПб., 1864; *Он же*. Сибирь и каторга. СПб., 1871; Гурвич И.А. Переселения крестьян в Сибирь. М., 1888; Кауфман А.А. О причинах и вероятной будущности русских переселений. М., 1898; Ядринцев Н.М. Десятилетие переселенческого дела // Вестник Европы. 1891. № 8. С. 790–827.
5. Турбин С. Сибирь. Краткое землеописание. СПб., 1871.
6. Русская мысль. 1893. № 8.
7. Столярова И.В. Н.С. Лесков и Г.И. Успенский // Русская литература. 1974. № 3.